

Се Чжун и слуги семьи Гао незамедлительно начали поиски, но им так и не удалось найти Се Чжэнь или Ли Юйя. Се Жун нервничал, при этом всеми силами старался этого не показывать. Он приказал домоправителю Вану сообщить о случившемся отцу. Домоправитель отказался уходить и сказал, что его одного не оставит.

- Возвращайтесь, я со своими людьми продолжу поиски Чжэнь и Юйя.

Колющий взгляд Се Жуна едва ли не насквозь прошёл Гао Сюня. Последний же понимал, что виноват. Если бы он не настоял на том, чтобы Се Чжэнь пошла гулять, ничего подобного бы не произошло...

Спустя минуту активных споров к Се Лицину отправили слугу. Как только тот узнал о пропаже дочери, то моментально бросил все дела. По прибытию он не стал кого-либо отчитывать, а оперативно, вместе со своими людьми, начал обыскивать близлежащий район. Вот только они не знали, что Се Чжэнь и Ли Юйя направились совсем не в ту сторону, куда им изначально казалось, окрестности осмотрели, но основные поиски двинулись не в ту сторону...

Начало темнеть, а с наступлением ночи на улицах становилось опаснее. Се Лицин находился в отвратительном настроении. И как бы он не пытался скрыть факт пропажи от жены, ближе к вечеру она узнала.

Чем больше Лэн-ши думала о крошке-бедняжке Се Чжэнь, тем сильнее погружалась в пучину отчаяния. У Се Чжэнь слабое здоровье, хуже, чем у неё! Последний раз она вообще болела почти месяц!

Се Лици не знал о беспокойствах жены, он как раз обсуждал, можно ли одолжить людей из ямэня.

(Прим.пер. Ямэнь — присутственное место в дореволюционном Китае, сродни некоторым значениям слова магистрат: представляло собой резиденцию чиновника и его помощников мую 衙門, которые, согласно законодательству, не имели права быть выходцами из местного населения).

У него не осталось другого выбора, кроме как приготовиться к худшему. Если детей похитили, они разорвут пасть каждому и внимательно осмотрят каждый сантиметр внутренностей подозреваемого! Пока не найдётся Се Чжэнь и Ли Юйя, в провинции никто не будет знать покоя!

Через какое-то время прибыл Гао Цин, он притащил своего сына и заставил извиниться. Се Лицин вновь не стал кого-либо обвинять. Се Лицин и Ли Сицин задействовали всех подчинённых, но это не дало результата...

Вечер приближался... Небо постепенно серело, а солнце уходило за горизонт. Недолго сопротивлявшись, оно таки скрылось. Никто не знал, как там дети. От чрезмерного

напряжения руки Се Лицина и Ли Лицина начали дрожать. Они, возможно, и хотели бы закрыть глаза на несколько секунд, но тело упорно не желало расслабиться.

- Господин, у двери двое детей. Возм...

Не успел управляющий закончить, мимо него пронеслась фигура Се Лицина.

Это была она! На плечах покачивающегося и заметно уставшего Ли Юйя, но это она! Се Чжэнь что-то бормотала, но упорно держалась за Ли Юйя. Се Лицин и не заметил, как оказался рядом с дочерью. Он осторожно снял её со спины.

- Ягнёнок, это папа!

Се Лицин не сдержался и нахмурился, Се Чжэнь больше напоминала огненный шар, её тело дрожало.

Ли Сицин не многим отстал от Се Лицина, он крепко обнял сына и пробормотал:

- Ты вернулся, молодец. Теперь всё будет хорошо.

Ли Сицин повернул голову и посмотрел на явно обеспокоенного Се Лицина.

- Ягнёнок, как ты? – осознав, что сболтнул глупость, Се Лицин приказал слугам готовить карету и мчаться за доктором.

- У неё жар, - тяжело вздохнул Ли Юй. В какой-то момент Се Чжэнь начала жаловаться, что больше не может идти, но он посчитал её слова очередным капризом. Кто же знал, что она без всяких слов потеряет сознание? Ли Юй до жути перепугался, когда потрогал её лоб и почувствовал жар. Он взвалил её себе на спину и понёс. К счастью прохожие помогли найти нужную дорогу...

Се Лицин несколько раз поблагодарил Ли Юйя, даже молчаливый Се Жун выразил свою благодарность. Однако Ли Юй чувствовал себя не в своей тарелке, он не хорошо обошёлся с Се Чжэнь и даже несколько раз случайно стукнул...

Ли Юй посмотрел на обнимающую отца Се Чжэнь. Глазки закрыты, личико покраснело, а красивые бровки нахмурены, будто она чем-то недовольна.

- Юй`Эр, куда ты смотришь?

Тем временем Се Лицин с нетерпением ожидал карету, издали уже доносился перестук копыт.

Ли Юй отвернулся и последовал за отцом.

- Никуда.

Стоило Ли Юйю удобно сесть, загудели руки ноги, даже шея ныла... Вредная девчонка, больше никогда не буду носить её на спине! – подумал Ли Юй и закрыл глаза, но, неожиданно для себя, задумался.

- Отец, почему у неё жар?

Ли Сицин ощущал себя так, словно у него с плеч свалилась целая гора. Вопрос сына же дал понять, что он не пострадал.

- Она...? Ты о Се Чжэнь? Она маленькая, плюс, сегодня холодно. Да и страх сыграл немаловажную роль.

- Но у меня его нет.

Ли Сицин, улыбаясь, потёр виски.

- Се Чжэнь – девочка, а девочки слабее, чем мальчики. Её и твоё здоровье нельзя сравнивать.

- Что такое «избаловать»?

Ли Сицин задумался, на вопрос не так легко ответить...

- Это естественная слабость... Как желание поесть. Желание защищать. Прямо как желание защитить новорожденного...

- Словно маленькое беззащитное животное, ягнёнок? – подумав какое-то время, спросил Ли Юй. Он вспомнил прозвище Се Чжэнь.

- Да! Ты прав! Попал в точку! – рассмеялся Ли Сицин.

Ли Юй презрительно усмехнулся. Он тоже был голоден и видел новорожденных ягнят, но даже они не такие хрупкие, как она!

По возвращению в поместье, Се Лицин сразу же понёс Се Чжэнь в комнату, где их дожидался доктор. Лиш-ши немного задержалась, так как отдавала приказы слугам. Увидев дочь, она стремглав бросилась к ней и положила руку на лоб. Сделав несколько неуверенных шагов назад, Лэн-ши оказалась в объятиях Се Лицина и зарыдала.

- Это я виновата. Не нужно было отпускать её с вами... Прошло полдня, а она...

- Не переживайте, это просто страх. Пульс немного нестабилен, но вскоре её состояние нормализуется. Я выпишу несколько рецептов, и всё будет в порядке, - окончив осмотр, заверил доктор.

Се Лицин поспешил поблагодарить доктора. Он приказал одному из слуг заплатить, а второму как можно быстрее заварить травы, по методу, который описал доктор.

Лэн-ши лично напоила дочь с ложечки и легла рядом. Каждый раз, когда она слышала бормотание Се Чжэнь, а произносила она одно лишь слово «помогите», её сердце сжималось от боли. Лишь на рассвете Лэн-ши смогла первый раз за ночь сделать полный облегчения вдох. Жар утих.

Шуан Юй принесла стакан сока и свежесваренные лекарства, мадам Лэн, ещё раз, ложечкой, осторожно начала поить Се Чжэнь.

- Убить...

Именно таким было первое слово, после пробуждения Се Чжэнь. Она устало приоткрыла глаза и только спустя несколько минут поняла, где находится. Медленно повернувшись, Се Чжэнь увидела рядом уставшую мать. Она даже посчитала, что видит сон.

- Как ты себя чувствуешь?!

Это мама! Се Чжэнь резко скинула одеяло и бросилась в объятия матери.

- Мама! Мама, я вернулась? Я дома?!

Лэн-ши крепко обняла дочь. Последняя же вспомнила обо всём, что ей пришлось пережить на улице. По шее Лэн-ши потекли слёзы, а уже через минуту, хныкая, Се Чжэнь начала жаловаться:

- Наша карета сломалась, мы встретились с плохими дядями. Младший брат Сяо Юй купил мне консервированный кумкват и пирожное. Я купила тебе шпильку, но кто-то захотел меня похитить. Она сломалась, младший брат Сяо Юй бросил ящичек!

Лэн-ши постоянно гладила дочь по спине и вытирала слёзы.

- Всё хорошо, теперь ты дома.

Мадам Лэн подумала, что за безопасное возвращение дочери она готова отдать все шпильки

или вовсе отказаться носить украшения! Успокоив Се Чжэнь, Лэн-ши начала давать лекарство. Оно было горьким, но Се Чжэнь послушно съела всё, до последней капли. В награду она получила фрукт.

- Я скажу малышке Сюнь, что тебе лучше. Она навестит тебя. Она приходила ещё ночью, но я приказала ей идти отдыхать.

Где-то через полчаса пришла Се Сюнь и понурым голосом попросила прощения. От Се Жуна она узнала, что Се Чжэнь поехала в город за шпилькой. Если бы не она, ничего бы не случилось! Се Чжэнь удалось быстро убедить сестру, что ничего страшного не произошло, и она совсем не обижается. После чего она легла отдыхать.

Последующие несколько дней даже слуги поместья Се заметили, что Се Чжэнь стала послушнее, а Се Сюнь практически не отходила от сестры, постоянно пытаясь чем-то помочь. Вроде бы это была задача слуг, но кто смел указывать третьей молодой госпоже? Ещё через несколько дней цвет лица Се Чжэнь стал прежним, а по всему поместью начал разноситься радостный девичий смех и топот.

Зима подходила к концу, приближался фестиваль Фонарей, а вместе с ним и гости из столицы.

(Прим.пер. Всеми силами пытался сделать диалоги понятными, но качество англ. перевода в этой главе ужасное).